

Несчастливый брак

Автор:

Хелен Диксон

Несчастливый брак

Хелен Диксон

Исторический роман – Harlequin #64

Золотоволосая красавица Шона Маккензи, сестра хозяина острова Санта-Мария, мечтает вернуться в Лондон. К несчастью, избавиться от назойливой опеки брата и его несносной жены она сможет, только вступив в брак. Зак Фитцджеральд, красивый, богатый и отважный капитан, по мнению мисс Маккензи, подходит на роль ее мужа. Не колеблясь, она предлагает Заку жениться на ней. Капитан не собирался связывать себя узами брака, но попался в ловушку, устроенную хитрой невесткой Шоны, и вынужден был согласиться пойти под венец, однако устроив все так, чтобы брак сочли недействительным. Уверенный в том, что ему это удалось, он сбегает прямо из постели новобрачной на свой корабль и отбывает в Англию. Но новоиспеченная миссис Фитцджеральд прекрасно знает, что их брак абсолютно законен, и отправляется вслед за коварным мужем...

Хелен Диксон

Несчастливый брак

Роман

Helen Dickson

Mishap Marriage

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Copyright © 2013 by Helen Dickson

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Глава 1

1800 г.

Лишь немногие жители крошечного островка Санта-Мария не подняли головы на глухой залп сигнальной пушки, извещавшей о приближении судна. Корабль появился на фоне облаков, сверкая выбеленными на солнце парусами. Обитатели городка, моряки и островитяне, коротающие время в борделях и прокуренных тавернах с известняковыми стенами, заслышав выстрел, высыпали на пристань поглазеть, как буксируют в зеленую бухточку огромный торговый бриг, оснащенный тридцатью двумя пушками.

Чем ближе подходил корабль, тем больше людей прибывало на причал. Пронзительные крики чаек над головами перекрывал резкий голос рулевого, отдающего приказы матросам, опускающим канаты с руку толщиной. С борта на берег перекинули сходни, и толпа замерла, пристально глядя на капитана, который вот-вот должен был сойти на землю.

– Господь всемогущий! – воскликнул Джон Синглтон, первый помощник капитана. Щурясь на солнце, он обозревал собравшихся. – Для Санта-Марии весьма впечатляющий прием, я бы сказал. После многих недель крекеров и вяленого мяса так хочется отведать наконец ростбифа и насладиться обществом юных красавиц.

Сняв шляпу, он посмотрел на стоящую в первом ряду восхитительную девушку, обладательницу карамельного цвета кожи и гладких черных волос, спускающихся до самой талии.

Капитан бросил хитрый взгляд на помощника, имеющего репутацию неисправимого распутника.

– Именно в такой последовательности, а, Джон?

– Точно в такой, – подтвердил тот, чувствуя, как от призывной улыбки девчонки кровь вскипает в жилах.

Третий в их компании мужчина был одет в черный залоснившийся от времени сюртук, черные измятые бриджи, серые приспущенные чулки и поношенные черные ботинки. На голове красовался пепельный парик. Звали его преподобный Корнелиус Клей, всем своим видом он напоминал крупного рассерженного медведя, только что пробудившегося от зимней спячки. Проследив за взглядом первого помощника, он нахмурился:

– Осторожнее, Синглтон. Эта женщина, похоже, замужем.

– Верно, так и есть. Что ж, это добавит пикантности охоте за ней.

– Нужно осмотреться, – сказал капитан. – Санта-Мария принадлежит некоему Маккензи. Это образованный человек, сын Колина Маккензи, того самого, при котором остров стал таким, каким вы видите его сегодня. Молодой Маккензи обладает жестким характером и скор на расправу с любым, кто осмелится угрожать его власти. Думаю, именно поэтому его все боятся. На острове его слово закон. Однако у него репутация изысканного любезного человека. Интересно будет проверить, насколько доброжелательно он отнесется к нам за время, что мы проведем у него на острове.

Его преподобие с интересом поглядывал на питейные заведения.

– Из-за треклятого урагана кораблю требуется ремонт, да и запасы нужно пополнить. Сколько мы тут пробудем, капитан?

– Не очень долго. Недели две – самое большее. Мы и так уже идем с опозданием, а нужно придерживаться установленного графика.

Сразу по окончании сиесты Шона Маккензи отправилась на верховую прогулку, радуясь возможности ускользнуть из дому и из-под надзора Кармелиты, своей острой на язычок невестки. Обрато она намеревалась вернуться только к вечерней трапезе. Несколько парусных судов покачивались на якоре в бухте, неподалеку от берега воды бороздили маленькие лодки. Энтони, брат Шоны,

частенько приглашал офицеров проходящих кораблей на ужин к себе домой, чтобы дать возможность сестре и жене нарядиться в вечерние туалеты и немного развлечься.

Верховая езда предоставляла Шоне преимущество: ей открывался прекрасный вид на живописный остров. Перед ней насколько хватало взгляда расстиралась синь моря, меняющего цвет на светло-зеленый у рифов со стороны Атлантики. Волна за волной накатывала на высокий, поросший деревьями берег, принося с собой темно-зеленые водоросли. Потом местность шла под уклон, огибая два утеса, точно руками обнимающие единственный на острове песчаный пляж протяженностью добрых полмили.

Покинув прохладное высокогорье, Шона поскакала к большому скоплению построек у бухты. Как и остальные жители острова, она заметила паруса брига и теперь спешила узнать, кто к ним пожаловал.

Корабли, курсирующие в карибских водах и выменивающие изысканные шелка, украшения и другие европейские товары на производимое на островах сырье, регулярно заходили на Санта-Марию. Однако столь крупного судна не было уже несколько месяцев, поэтому его появление стало поистине примечательным событием. Лишь приблизившись на достаточное расстояние, чтобы прочесть выбитое на носу название «Жемчужина океана», Шона поняла, кому оно принадлежит.

Владел судном корабельный магнат капитан Захария Фитцджеральд, купец и искатель приключений, один из самых богатых и влиятельных людей на Карибах. Ходили слухи, что ему принадлежат большие участки земли в Вирджинии, целая флотилия судов и склады в каждом порту. Поговаривали также, что он заключает теневые сделки с пиратами, да и сам пират, но правда это или всего лишь легенда, Шона не знала.

Жители Карибов слагали байки об этом загадочном мужчине с тех пор, как он впервые причалил в колонии несколько лет назад. Невзирая на репутацию расчетливого дельца, он редко удостаивал своим присутствием великосветские приемы местного общества. Будучи вторым сыном своего отца, он после смерти родителя не мог претендовать на получение наследства, поскольку все должно было достаться старшему брату, виконту Фитцджеральду. Именно поэтому Захария оставил Англию и стал искать счастья в бурных морях.

Многоголосая толпа заполняла причал. Сновали оборванные дети, праздно шатались моряки, девицы легкого поведения смело демонстрировали свои прелести, готовые за шиллинг-другой предоставить свое тело любому желающему. При виде этой жалкой картины Шона содрогнулась. Она, по крайней мере, выше всего этого. И не имеет значения, что в семье она нежеланна и нелюбима.

Всякий раз, совершая верховую прогулку в город в одиночестве или присоединяясь к любой компании, она тут же становилась объектом пристальных взглядов как мужчин, так и женщин. Привыкшая к подобной реакции, она ни на кого не обращала внимания, и постепенно зеваки утрачивали к ней интерес. Сидя в седле, Шона поверх людских голов наблюдала за происходящим на борту корабля. Вот появился мужчина, за ним еще двое. Первый, судя по манере держаться, был капитаном.

Высокий и ослепительный, начиная от широкополой шляпы с белым пышным пером и заканчивая ботфортами, за которыми тянулись длинные полы пурпурного сюртука, капитан Захария Фитцджеральд пружинистой походкой шествовал по пирсу к берегу. Двое его спутников следовали за ним по пятам.

При его приближении толпа расступилась, давая морякам дорогу. Остановив лошадь прямо у него на пути, Шона получила возможность как следует его разглядеть. И сердце ее замерло от восторга и восхищения. Поразительно красивый мужчина! Самый красивый из всех, кого она когда-либо встречала. Выражение его лица было холодным и замкнутым. На вид Захарии можно было дать лет тридцать, он был высок, крепко сложен и распространял вокруг себя ауру мужественности и небрежной уверенности в себе. Белые запыленные бриджи, заправленные в ботфорты, выгодно подчеркивали мускулистые ноги.

Шона прекрасно знала, что леди и к тому же сестре самого влиятельного человека Санта-Марии не следует появляться в городе в одиночестве, но сегодня предпочла презреть общественные правила, установленные отцом и братом, в угоду собственным желаниям. Она не замечала никого вокруг, целиком сосредоточив внимание на мужчине, шагающем в ее сторону.

Взгляд Захарии, лениво скользящий по толпе зевак, задержался на лице необычайно красивой молодой женщины, сидящей на белой лошади. Он посмотрел на нее в упор. Шона, позабыв о хороших манерах, не отвела взгляд. Словно зачарованные этим безмолвным общением, они перестали замечать

царящую вокруг суматоху.

На губах Захарии медленно расцвела заинтересованная улыбка. Следовавший за капитаном Синглтон был очарован незнакомкой и отвесил неловкий поклон, покраснев от смущения. Позабавленный замешательством первого помощника, Захария посоветовал тому взять себя в руки, а сам остановился прямо перед молодой женщиной, откровенно рассматривая ее точеную фигуру, миловидное личико, большие зеленые глаза. Экзотическая незнакомка, полная жизни. Длинные золотистые волосы струились по спине, несколько светлых прядок разметались по изящным плечам. На ней было светло-голубое платье, юбка которого ниспадала на бока лошади и при этом оголяла стройные загорелые ноги много больше, чем считалось пристойным, но Зак, конечно, не жаловался. Противиться зову красивой женщины он никогда не мог.

Шона почувствовала себя немного глупо, отлично сознавая, что благовоспитанным английским леди не пристало скакать верхом, демонстрируя голые ноги и портя прическу. Но, четыре года проучившись в одной из лучших английских школ, где постигала нудные азы этикета, она едва не умерла от скуки.

Теперь ее пожирал взглядом притягательный красивый мужчина, чей уверенный взгляд заставлял сердце биться быстрее, хотя в этом, пожалуй, следует винить и жаркое тропическое солнце, от которого у нее помутился рассудок.

Будто скованная неизведанной магнетической силой, Шона продолжала смотреть ему в глаза, восхищаясь их красотой. Пронзительные, серебристо-серые, они, казалось, обладали способностью улавливать и запереть в себе свет. Шона заметила блеснувшую в их глубине искорку веселья. Капитану не удалось скрыть шутливого удивления.

– Моя дорогая юная леди. – Отступив на шаг, он отвесил ей небрежный поклон, который она сочла фиглярством. – Захария Фитцджеральд, к вашим услугам. – Он продолжал смотреть на нее, изогнув бровь. – Смею заметить, вы являете собой подлинную усладу глаз.

Продолжая смотреть на капитана, оказавшегося обладателем невероятно соблазнительного низкого гортанного голоса, напоминающего густой мед, Шона тут же подумала об обнаженных телах и эротических картинках из французских

книг, которые они с подругой любили внимательно рассматривать во время учебы в школе, и еще о множестве неподобающих вещей. Своим голосом он будто ласкал каждое сказанное им слово. Немного найдется на свете женщин, способных устоять перед ним. Будучи в настроении, Шона могла очаровать и обаять любого представителя мужского пола, но инстинкт подсказывал, что этот мужчина не относится к числу неискренних молодых повес, стремящихся за ее счет упрочить свою репутацию.

– Вот как? – с опаской проговорила она, чуть наклоняя голову. – Почему же, потрудитесь объяснить?

Зак нахмурился. Собственный ответ удивил его. Ее лицо совершенное, поразительно красивое и юное. Глаза чистого зеленого цвета в обрамлении густых черных ресниц сияют, как драгоценные камни. Смотрят прямо на него, искренние и одновременно непостижимые, точно морские волны. Под взглядами группы моряков, долгие недели не знавших женщин, – при этой мысли Зак вспомнил и о своем вынужденном воздержании – незнакомка должна была бы, по крайней мере, покраснеть и потупиться. Она этого не сделала.

– Ради всего святого, юная леди, – пробормотал он, подходя к лошади и дружелюбно поглаживая ее по крупу, ненароком касаясь обнаженной ноги Шоны, – вы столь прекрасны, что способны соблазнить любого мужчину. Знай я, что на Санта-Марии живет такая красавица, гораздо раньше привел бы сюда свое судно. Мне бы хотелось пригласить вас на борт и познакомиться с вами поближе.

Позабавленная его приподнятым настроением, но недовольная слишком вольным тоном, Шона вскинула бровь.

– Боюсь, это неподобающий поступок, капитан. Также советую вам убрать руку с моей ноги, пока я не нашла иное применение своему хлысту.

В плутоватых глазах капитана, очаровавших, должно быть, добрую половину женщин, встреченных им на Карибах, заплясали серебристые искры.

– Ваша несговорчивость весьма разочаровала меня. Что мне сделать, чтобы заслужить ваше одобрение?

– Я уже сказала. Уберите руку с моей ноги.

Он неохотно повиновался, но не двинулся с места, продолжая оценивающе разглядывать девушку.

Кожу Шоны жгло от его прикосновения. Кричащая мужественность и уверенность в себе привели ее в замешательство. Она вдруг осознала, что все взгляды обращены к ней и стоящему рядом мужчине, и почувствовала сумасшедший бег крови по венам. Ничего подобного она никогда прежде не испытывала, даже рядом с Генри Беллами, красавцем сыном герцога, в которого были влюблены все воспитанницы английской школы. Внезапно она испытала ненависть к капитану. Уж слишком сильное впечатление он на нее произвел. Шона испугалась того, что, посмотри он на нее чуть дольше, чего доброго, сумеет прочесть ее мысли.

– Как вы складно говорите, капитан. Тем не менее советую не тратить попусту силы. Меня не так-то легко убедить. Санта-Мария принадлежит моему брату Энтони Маккензи. – И она наградила собеседника надменным взглядом. – А я Шона Маккензи, его сестра.

– В таком случае рад познакомиться с вами, мисс Маккензи.

Это имя было знакомо Заку. Также он слышал и о легендарной красоте девушки. Ее отца знали во многих кругах. Шона Маккензи частенько становилась объектом жарких споров молодых людей. Ее считали снежной королевой, недостижимой и разбивающей мужские сердца. Многие видели в ней желанный приз.

Узнав имя незнакомки, Захария ничуть не смутился. Губы расплылись в широкой улыбке, обнажив белоснежные зубы. В потемневших глазах блеснули дьявольские огоньки, когда он с повышенным интересом принялся разглядывать ее. Отметив его бронзовую кожу, Шона нашла в нем сходство со смуглым пиратом.

– Ваш остров невероятно прекрасен и плодороден, как я слышал. В известной степени это заслуга вашего брата.

– Прежде всего следует отдать должное моему отцу Колину Маккензи. Он сделал остров тем, чем тот является сейчас. После его смерти дело продолжил мой брат.

В этот момент толпа расступилась, пропуская элегантное ландо, в котором сидели Энтони Маккензи и его жена-испанка Кармелита, прячущая лицо под изящным зонтиком. Она была единственной дочерью богатого испанского купца и была чрезвычайно избалованной. С Энтони она познакомилась во время визита на Санта-Марию вместе с отцом. Шона тогда училась в английской школе. После краткого периода ухаживаний Энтони женился. Шона полагала, что это стало первым шагом к его гибели.

Экипаж остановился рядом с лошадью Шоны. Энтони, одетый в безукоризненного покроя сюртук и льняную сорочку, спустился на дорогу, неодобрительно глядя на сестру. Обнаружив ее на причале, растрепанную, без компаньонки, в окружении девиц легкого поведения и матросов, он счел подобное поведение недостойным положения, дарованного ей по праву рождения и полученного образования. Похоже, Шона совсем не уважает занимаемый им на острове высокий пост.

Тридцатипятилетний Энтони был высок ростом и светловолос, внешне скорее импозантный, чем красивый. Проницательный, расчетливый, несгибаемый, он готов был пойти на что угодно, лишь бы добиться от жизни желаемого. Через четыре месяца Кармелита должна была произвести на свет их первенца. Энтони надеялся, что родится мальчик, который станет его наследником и преемником.

На сестру он смотрел без тени улыбки, с выражением крайнего неодобрения на лице.

– Советую тебе отправиться домой, Шона. Ты не должна находиться в городе без компаньонки.

Посмотрев в суровые глаза брата, она вспыхнула от такого публичного порицания.

– Именно так я и собиралась поступить, Энтони, пока не увидела корабль. Я просто обязана была присутствовать при его швартовке.

Отвернувшись от сестры, Энтони обвел взглядом прибывших. Недовольство исчезло с его лица, и выражение сделалось приветливым.

Кармелита всматривалась в раскрасневшееся лицо Шоны пронзительными, холодными, точно воды шотландского озера, глазами, не пропускавшими ни единой детали. Прищурившись, точно готовящаяся к броску кобра, она перегнулась через бортик ландо и обратилась к Шоне:

– Ты только посмотри на себя, Шона, одета неподобающим образом, волосы растрепались. – Эти слова были произнесены с тихим неодобрением. В голосе Кармелиты слышался сильный испанский акцент.

– Я каталась верхом, Кармелита.

– Мадам, – спокойно обратился к ней капитан Фитцджеральд, – юная леди не заслуживает вашей критики. Она самая привлекательная особа из всех, кого мне до сих пор посчастливилось встретить.

Кармелита открыла было рот, чтобы резко возразить, но, увидев светящуюся в его глазах решимость, передумала. Горько улыбнувшись, она подавила желание сообщить ему, что Шона Маккензи – дитя самого дьявола. Отгородившись от капитана зонтиком, она продолжила распекать девушку:

– Ты становишься совершенно несносной, Шона!

– Постараюсь исправиться, – будничным тоном пообещала та.

Кармелита пронзила ее убийственным взглядом.

– Ты издеваешься надо мной?

– Разумеется, нет, Кармелита. И в мыслях не было ничего подобного.

Шона давно поняла: по возможности невестку стоит игнорировать, если же это невозможно, разговаривать с ней подчеркнуто вежливо.

Кармелита наградила ее взглядом, мечущим искры.

– У тебя склонность к общению с моряками и простолюдинами. Не так следует себя вести хорошо воспитанной леди, не такого поведения ожидает от тебя твой брат. Он несет за тебя ответственность. Как ты смеешь подводить его? Тебе следовало бы понимать, что к чему.

Шона вскинула голову. Стараясь угодить Энтони, она научилась разговаривать с Кармелитой с вежливым почтением, но не более того. Энтони считает жену своевольной, но это, по мнению Шоны, для нее чересчур мягкая характеристика. Надменная, сварливая, временами даже злобная – такие определения подобрала для невестки Шона.

– Пожалуйста, Кармелита, оставь эту тему, – с ледяной вежливостью ответила она, переводя взгляд на Энтони, который представлялся капитану Фитцджеральду. – Едва ли мне нужно напоминать о том, как себя вести. Я отвечаю перед своим братом, а не перед тобой.

– Не дерзи, Шона. О тебе же все будут судачить.

– Так вот в чем дело? Обо мне и теперь судачат.

Кармелита точно знала, когда остановиться, поэтому ничего больше не добавила, лишь высокомерно вскинула голову, показывая Шоне, что ничего не забудет.

Энтони представился капитану Фитцджеральду, представил жену и поприветствовал его на острове. Капитан поступил так же – представил первого помощника и особо выделил его преподобие.

– Видите ли, – весело сверкая глазами, пояснил Синглтон, наблюдая за тем, как священник шагает к ближайшей таверне на берегу, – капитан заботится о духовных потребностях команды во время долгого морского плавания.

Энтони кивнул, не заметив в словах первого помощника скрытого намека.

– Его преподобие действительно поддерживает моральный дух матросов?

– О да, веры на борту предостаточно. – «И рома тоже», – мысленно добавил он, но вслух, конечно, этого не сказал.

– Узнав о прибытии вашего судна, – проговорил Энтони, обращаясь к капитану, – я счел необходимым приехать и лично поприветствовать вас. Конечно же я о вас слышал. Ваше имя хорошо известно в этой части света.

Капитан удивленно поднял бровь:

– Неужели? Вы мне льстите, мистер Маккензи.

– Ваш корабль выглядит изрядно потрепанным.

– В нескольких днях хода от Вирджинии разразился шторм, по силе превосходящий все известные для тех широт и времени года. Мы отклонились от курса и потеряли свой конвой. Все же ущерб минимален и скоро будет устранен.

– Куда вы направляетесь?

– На Мартинику, а потом в Лондон. Я не намерен терять месяц или два, ожидая, когда соберется другой конвой, хочу попытать счастья и нагнать тот, с которым мы разминулись.

– Очень мудрое решение, – одобрил Энтони.

Будет великой удачей, если крупное торговое судно вроде «Жемчужины океана», идущее с грузом, сумеет избежать столкновения с пиратами всех наций, в больших количествах бороздящих европейские и американские воды. Именно по этой причине была организована система конвоирования для всех кораблей, за исключением разве что особенно быстроходных.

– Мы пополним запасы продовольствия и пресной воды, а затем продолжим путь. Я у вас в долгу, мистер Маккензи.

– Мы очень вам рады, капитан Фитцджеральд, и просим отужинать с нами сегодня вечером. Заодно расскажете мне новости о том, что сейчас происходит в колониях. Мне конечно же доставляют газеты из Вирджинии и Лондона, уж

лучше старые новости, чем вообще никаких, но со сведениями из первых уст ничто не сравнится, так ведь? Позже я пришлю за вами и мистером Синглтоном экипаж.

Капитан Фитцджеральд развернулся, чтобы уйти, и его взгляд снова остановился на Шоне, все еще остающейся на прежнем месте. Он холодно посмотрел на нее из-под полуопущенных век. Внутренний голос предупреждал, что для свободолюбивого холостяка эта женщина представляет наихудшую угрозу, и, прими он приглашение Маккензи поужинать, не избежать словесной баталии с ней. Но она так привлекательна! Захария предпочел забыть об осторожности.

Шона выпрямила плечи и слегка подняла подбородок, пытаясь разрушить чары его колдовских глаз.

Отсалютовав ей рукой и слегка поклонившись, капитан отправился в город.

Не дожидаясь приказа Энтони, Шона развернула лошадь и поскакала домой.

Вечер выдался тихим и теплым, с той особой мягкостью, какая присуща лишь Карибским островам. Из Мелроуз-Хилл, резиденции семьи Маккензи, открывался прекрасный вид на залив. К дому вела длинная изогнутая подъездная аллея, обрамленная с обеих сторон кокосовыми пальмами. Мелроуз-Хилл был большим двухэтажным особняком с белыми стенами, защищенным от мира высокогорьем и росшими вокруг деревьями. Его опоясывала широкая, утопающая в цветах веранда, по решетке которой карабкались вверх плюмерии и бугенвиллеи, радующие глаз яркими красками. Солнце уже скрылось за холмами, и особняк стоял в тени, но на веранде горели несколько больших фонарей.

Войдя в большой просторный холл, Зак был поражен. С высокого потолка свисала продолговатая хрустальная люстра, подрагивающие призмы которой рассыпали по полу и стенам мириады танцующих радуг.

В доме пахло канифолью и мастикой. Через приоткрытую дверь в столовую можно было наблюдать последние приготовления, совершаемые двумя темнокожими лакеями под бдительным присмотром мажордома-мулата.

Выполненная во французском стиле мебель и картины в золоченых рамах были очень элегантными. В столовой помещались сокровища со всего света: толстые абиссинские ковры и персидские коврики, итальянский мрамор, лакированные шкатулки, восточные статуэтки из нефрита и слоновой кости и многое другое. Высокие, от пола до потолка, французские окна выходили на усаженную цветами террасу и сады в задней части дома. Легкие занавеси трепетали от ночного ветерка, неся в дом прохладу. Зак подумал, что роскошью обстановка ничем не уступает убранству особняков аристократов, владеющих сахарными плантациями.

Готовясь к вечернему приему, Шона сидела за туалетным столиком, пока Мораг старательно укладывала ее волосы в элегантную прическу. Почему-то ей хотелось выглядеть сегодня наилучшим образом. Уж не из-за особого ли гостя, приглашенного Энтони? Корсет из легкой газовой ткани плотно облегал тело, высоко поднимая округлые груди. Все было готово. Надевая платье, она ощущала странную смесь напряжения и восторга.

Атласный корсаж был расшит кружевом, пышные рукава до локтей были приспущены, оставляя плечи обнаженными. Талию опоясывал широкий кушак темно-синего цвета, концы которого спускались на атласные юбки, также украшенные кружевом цвета слоновой кости.

– Выглядите великолепно, – оценила Мораг, заметив, сколь критично Шона изучает свое отражение в зеркале и поправляет вырез платья.

По мнению служанки, мисс Шона была редкостной красавицей, почти никогда не оказывающейся в затруднительном положении. Если она найдет себе мужа, тот будет очень ею гордиться и еще больше ее вожделеть.

– Вы являете собой подлинную усладу глаз, – добавила она.

Шона улыбнулась горничной. Эта женщина служила в их семье, кажется, целую вечность. Мораг родилась в Глазго, на остров приехала совсем юной девушкой в качестве горничной матери Шоны. Когда та умерла, Мораг стала преданно служить Шоне.

– Какой забавный выбор слов, Мораг. Кое-кто еще сегодня сказал мне то же самое.

– Вот как? Я знаю этого человека? – спросила та, взбивая кружево на рукавах платья Шоны.

Шона склонила голову, чтобы скрыть румянец, внезапно появившийся на щеках при мысли о капитане Фитцджеральде. От осознания того, что уже через несколько минут она вновь окажется в его обществе, у нее участился пульс, по телу прошла дрожь. Вопрос Мораг вывел ее из задумчивости.

– Увы, нет. Он должен ужинать с нами сегодня вечером. Капитан Фитцджеральд с судна «Жемчужина океана».

– А он красивый, этот капитан Фитцджеральд? – Мораг, заметив блеск в глазах Шоны, была уверена, что так оно и есть.

Вскинув голову, Шона ослепительно улыбнулась:

– О да, Мораг, он очень красивый. Чрезвычайно красивый.

– В таком случае хорошо, что и вы выглядите наилучшим образом.

Мораг принялась застегивать крошечные пуговицы на спине Шоны. В комнату тихо вошла Кармелита.

– Ты готова? – резко спросила она, едва скрывая зависть при виде Шоны в роскошном платье.

Мораг поспешно застегнула последнюю пуговицу и бесшумно скрылась за дверью.

Кармелита была миниатюрной яркой дамой с длинными черными волосами и жгучими карими глазами. Женщины не ладили с тех самых пор, как Шона вернулась из Англии и узнала о женитьбе брата. Когда они впервые увидели друг друга, спина Кармелиты напряглась, плечи изогнулись, а волосы, казалось, встали дыбом. Шона тогда сравнила ее с кошкой, подозрительной, разгневанной и пугающей.

– Ну и посмешище ты из себя сделала сегодня днем, – неодобрительно произнесла Кармелита, осуждающе глядя на золовку. – В самом деле, Шона, твое своеволие ужасно огорчает твоего брата. Вот и сегодня он был тобой недоволен.

От этого упрека Шона напряглась, но ничего не ответила, зная, что, начни она спорить с Кармелитой, лишь раззадорит ее еще больше. Кармелита ненавидела возлагаемую на нее ответственность за Шону, а Шона, в свою очередь, терпеть не могла тиранию невестки. Однако открытые стычки случались между ними крайне редко. Шоне было гораздо проще выносить Кармелиту, игнорируя ее и считая дни до возвращения в Англию.

– Если ты станешь и дальше вести себя столь неподобающе, – продолжала Кармелита, – боюсь, Энтони придется запретить тебе появляться в городе. Не будь ты его сестрой, тебя никогда бы не приняли в цивилизованных кругах. Пора бы уже остепениться, вместо того чтобы при любой возможности слоняться по острову.

Долгие месяцы Шона училась в присутствии Кармелиты маскировать душевные переживания за маской вежливости, она не произнесла ни слова. Кармелита, прищурившись, приблизилась к ней на шаг.

– Мы обе не можем быть хозяйками в этом доме, – сказала она тихим голосом, в котором явственно звучали угроза и ненависть. – Ты должна это понимать. Я намерена сделаться здесь госпожой во всех смыслах и не позволю тебе встать у меня на пути.

Кармелита явно хотела воевать, и Шона не собиралась облегчать ей жизнь.

– Уверяю тебя, Кармелита, что не стану выходить замуж только для того, чтобы доставить тебе удовольствие. Мелроуз-Хилл все еще мой дом.

– Возможно, но теперь я здесь хозяйка. Если ты с этим не согласна, то знаешь, что нужно делать. – Она повернулась к двери. – Дом большой, но недостаточно велик для нас обеих. Так что не зли меня, мерзкая девчонка, иначе очень скоро останешься без крыши над головой. Тогда и гордость твоя не понадобится! – Взметнув вихрь подолом голубого платья, она зашагала через комнату к двери. –

А вот и Энтони. – Она бросила на мужа полный отчаяния взгляд. – Хотя ты поговори со своей сестрой, Энтони. Меня она слушать не желает. Чем скорее она выйдет замуж и родит детей, тем лучше будет нам всем.

Оставив, таким образом, последнее слово за собой, Кармелита вышла. Она в самом деле имела в виду каждое сказанное ею слово. В Мелроуз-Хилл не было места двум хозяйкам, и, хотя слуги подчинялись Шоне, дом никогда не будет принадлежать ей по-настоящему.

После ухода Кармелиты Шона позволила себе ослабить оборону. Ее плечи поникли.

В такие моменты она особенно отчаянно тосковала по отцу. Внезапность его смерти поразила ее, даже теперь было трудно принять этот факт. В возрасте шестидесяти пяти лет он был полон жизни и вдруг неожиданно умер. Прибыв из Англии на Санта-Марию, она обнаружила, что Мелроуз-Хилл больше не ее дом, не ее надежная гавань. Она очень ценила время, проведенное в Англии, и подруг, которыми обзавелась, поэтому была полна отчаянной решимости вернуться и готова была ради этого пойти почти на все. Однако, будучи честной с самой собой, она не могла не признать, жизнь на Санта-Марии не лишена своей прелести.

Оставшись с братом наедине, Шона посмотрела ему в глаза и задала прямой вопрос:

– Энтони, ты жаждешь выдать меня замуж не менее отчаянно, чем Кармелита?

Брат колебался. На мгновение на его лице отразилось сожаление, затем черты снова стали жесткими, и он твердо ответил:

– Да, так и есть.

Его слова задели ее гордость. Глядя на него, она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Он не отвел взгляда, показывая, что решение его непоколебимо, чем еще больше разочаровал ее.

Чутко реагирующий на состояние жены и не желающий расстраивать ее, Энтони решил на этот раз не обращать внимания на душевные страдания сестры.

– Нужно как можно скорее покончить с этим делом. Ты же знаешь Кармелиту. Вы вдвоем никогда не сможете ужиться, поэтому я решил, что тебе лучше уехать. С тех пор как ты вернулась домой, стала для Кармелиты живым упреком. Послушай, Шона...

– Нет, это ты послушай, Энтони. Не женись ты на Кармелите, не говорил бы сейчас об упреках. Она уже заявила мне сегодня, что ты несешь за меня ответственность. Из этого я могу сделать только один вывод: она хочет от меня избавиться.

– Избавиться?

– Вот именно, избавиться, принизить мое достоинство, выпроводить куда-нибудь, все равно куда, лишь бы подальше от Санта-Марии.

Лицо Энтони побагровело от гнева.

– Прекрати немедленно, Шона. Ну что мне делать с вашими разногласиями, а?

– Принять ее сторону, конечно.

– Я не хочу принимать ее сторону. В этом нет нужды. Я высоко ценю вас обеих. И все же Кармелита дело говорит. Черт подери, Шона! Ты что же, решила превратиться в старую деву, отвергающую любого мужчину, осмелившегося проявить к тебе интерес? Ты богата и хороша собой, а значит, можешь выбрать мужа из лучших семей Европы или Карибов. Но ты все медлишь, точно мечтательная девчонка, ожидающая рыцаря на белом коне, который никогда не появится.

– Я вовсе не глупая девчонка, Энтони, и не капризная, – резко парировала Шона.

– Как угодно, но решение этого вопроса нельзя откладывать до бесконечности. Джон Филлигрю – холостой состоятельный молодой человек, ты ему очень нравишься. Но он не станет ждать вечно.

Шона наградила брата презрительным взглядом:

– Я и Джон Филлигрю? Он действительно хорош собой, согласна. Я знакома с ним всю жизнь, и он мне очень нравится. Можно даже сказать, мы друзья. Все же я лучше умру старой девой, чем проведу с ним остаток дней. Позволь мне вернуться в Англию, Энтони. Я с радостью бы пошла на это и к тому же оказалась бы далеко от Кармелиты, перестала бы ее беспокоить.

– Вот уж нет! Отец поставил условие, что в Англию ты сможешь вернуться, прежде обзаведясь мужем, который станет присматривать за тобой. Я намерен исполнить его волю. Я ведь знаю твой характер. Мне страшно подумать, что ты можешь натворить одна вдали от моей опеки и без мужа, наставляющего тебя на путь истинный.

– Благодарю за доверие, – сухо ответила Шона. – Но сдаваться я не намерена. Вернусь в Англию, даже если для этого придется дожидаться совершеннолетия, чтобы избавиться от твоего контроля. Мог бы написать тетушке Августе или Томасу и попросить присмотреть за мной, – храбро предложила она.

Томас был их кузеном и священником. Со своими родителями, тетей Августой и дядей Джеймсом, он дважды приезжал погостить на Санта-Марию, первый раз мальчиком, второй – юношей. Шона обожала кузена и чрезвычайно по нему тосковала. В Англии она с радостью проводила с ним время.

– Насколько мне известно, Томас сейчас не служит, а у тети Августы только что закончился траур. Ей некогда присматривать за незамужней родственницей, она слишком занята общественными делами. – Энтони наградил ее суровым взглядом. – Прежде чем ты спустишься к гостям, хочу напомнить о необходимости не сердить Кармелиту.

Шона внутренне сжалась.

– Я постараюсь.

Энтони кивнул, будто ни секунды в этом не сомневался.

Получив суточную порцию замечаний, Шона проскользнула мимо брата и по длинному коридору направилась к лестнице. Нужно как следует все обдумать, прежде чем предпринимать следующий шаг на пути к своему будущему. В одном она уверена: так дольше продолжаться не может. Она не питала иллюзий по поводу брата и больше всего боялась, что, не сумей она сама найти себе мужа, Энтони сделает это за нее.

Да, она очень хотела вернуться в Лондон, кружиться в бальных залах под звуки вальса среди множества других красивых пар, делать покупки в модных магазинах, совершать прогулки в Гайд-парке, хотела, чтобы привлекательные молодые люди падали к ее ногам, стоило им лишь взглянуть на нее. Но в противовес мечтательной стороне ее натуры включался здравый смысл, увещевавший, что всего этого она сможет добиться, лишь выйдя замуж.

Живя в Лондоне, она ощутила вкус независимости, но, подобно большинству молодых женщин, в душе оставалась романтичной особой, давно смилившейся с мыслью, что рано или поздно придется выйти замуж. Против этого у нее не было возражений. Наоборот, она была бы даже рада, однако только в том случае, если бы сама выбрала себе спутника жизни, которого искренне полюбит.

Глава 2

Испытывая смутное чувство тревоги из-за сегодняшнего гостя, Шона медленно спускалась по широкой изогнутой лестнице, стараясь привлекать к себе как можно меньше внимания. Она остановилась у входа в большой зал, внезапно отчетливо услышав биение собственного сердца. Весь мир отодвинулся на второй план, когда она заметила капитана Фитцджеральда, смотрящего на веранду. Внутри ее разлилось странное ощущение, от которого стало трудно дышать, сердце заколотилось сильнее, как после быстрого бега.

Одетый в вечерний костюм и ботинки с пряжками, капитан, при его росте и позолоченной загаром коже, казался особенно заметным, источая силу и энергию. Для их компании он был точно дуновение свежего ветра. Его вьющиеся волосы, зачесанные назад и стянутые на затылке тонкой черной ленточкой, отливали коричневым, являя разительный контраст с белоснежным шейным платком и парчовым жилетом цвета слоновой кости. Оливково-зеленый сюртук

идеально сидел на широких плечах.

«Грубый пират в одежде джентльмена», – отметила про себя Шона.

При виде красивого точеного профиля, озаряемого мягким светом свечей, она почувствовала томление. Она заметила, как капитан поднес руку к шейному платку, слегка ослабляя тесный узел, и задумалась, комфортно ли он себя чувствует в официальном костюме. Должно быть, он все же знает, как вести себя на светских приемах или, по крайней мере, как очаровать слабый пол. Как только стали собираться остальные гости, капитана окружили с полдюжины женщин, жаждущих познакомиться с ним. Он непринужденно приветствовал их, заставляя трепетать сердца.

Пытаясь вернуть себе душевное спокойствие, Шона глубоко выдохнула и вошла в зал, постукивая каблучками туфель по дубовому полу. Капитан обернулся на этот звук, посмотрел на нее. Стоило встретиться с ней взглядом, как застывшее на его лице выражение крайней скуки тут же исчезло.

Извинившись, он с улыбкой направился к ней быстрой грациозной походкой дикого кота. Шона не могла отвести глаз от его фигуры,двигающейся с точностью хорошо смазанного и отлаженного механизма.

Его манера держаться внушала веру в то, что все рассказы о капитане – сущая правда. Он буквально источал силу и опасность. Остановившись перед ней, он отвесил изящный поклон. Встретив его взгляд, Шона тут же уверилась, что в мире больше нет таких сияющих глаз. Всматриваясь в их глубины, Шона решила, что женщина с легкостью может потерять голову еще до того, как заговорит с ним.

А с ней какого дьявола творится? Что в этом мужчине особенного, почему он так действует на нее, отвергшую всех джентльменов, отчаянно старающихся ей понравиться?

Мысленно стряхивая с себя чары, которыми ее неосознанно опутал капитан, Шона отругала себя за поведение, свойственное скорее очарованной школьнице.

Улыбаясь, он смотрел на нее сверху вниз, наслаждаясь ее красотой.

– Добро пожаловать в Мелроуз-Хилл, капитан Фитцджеральд. Надеюсь, вам понравится у нас.

– Уже нравится, – прошептал он едва слышно, только для ее ушей.

Шона привыкла к восхищению молодых людей, ей нравилось их внимание, а какой девушке не понравилось бы? Однако капитан Фитцджеральд стал первым, кому удалось растревожить ее чувства и захватить воображение.

– Что вы думаете о Санта-Марии? По душе ли вам остров?

– Очень по душе, по крайней мере то, что я увидел.

– А каков он по сравнению с Вирджинией?

– О, прекрасен. Я располагаю некоторыми общими знаниями о колониях, сам я родом из Англии, а не из Вирджинии, как вы, должно быть, подумали.

– Да, знаю. Но ведь у вас там имеются связи.

Сложив руки за спиной, Зак изобразил на лице глубокую задумчивость.

– У меня действительно есть верфь и склады в Вирджинии, иначе было бы весьма затруднительно заниматься бизнесом, но мой дом в Лондоне.

– Значит, после Мартиники вы направитесь в Лондон?

Он кивнул, радуясь преимуществам своего высокого роста, на целую голову выше мисс Маккензи. Ему открывался упоительный вид на то, что открывалось в вырезе ее платья. Подобно любому другому мужчине, он был не в силах отказать себе в удовольствии, то и дело посматривая туда, замороженный полукругами ее груди.

Пока они разговаривали, прибывали другие гости, несколько офицеров со стоящих в бухте судов, и торговцы, живущие на Санта-Марии. Всего ожидалось около тридцати человек. Лакей объявил, что ужин подан.

Кармелита повернулась к мужу.

– Пора. – Беря Энтони под руку, она обратилась к Заку: – Капитан Фитцджеральд, не откажетесь ли вы сопроводить к столу мою золовку?

– С удовольствием.

Зак галантно подал руку золотоволосой красавице и ловко положил ее ладонь на сгиб своего локтя, не дав ей возможности отказаться. Шона сдалась, не стала устраивать сцену, но, оказавшись за спиной Кармелиты, прошипела, обращаясь к своему спутнику:

– Вы совершенно невозможный тип, капитан.

– Вам кто-нибудь говорил, какая вы красивая? – произнес он в ответ, наклоняя к ней голову и не обращая внимания на ее недовольство.

Вздернув носик, Шона промолчала. Она ничего не могла поделать с восторгом от его слов. Он придержал для нее стул, после чего обошел стол кругом, чтобы занять место напротив. Задумчиво глядя на него, Шона осознала, что идеальное решение проблем смотрит ей сейчас прямо в глаза, решение, которое поможет скинуть оковы, надетые на нее братом и привязывающие к острову. Достанет ли ей мужества претворить в жизнь отчаянный план, который она только что разработала?

Холодными, ничего не выражающими глазами Кармелита наблюдала за парой и взглядами, которыми они обменивались. Внезапно на нее снизошло вдохновение. Конечно же капитан Фитцджеральд – решающий фактор. Если между ним и Шоной возникнет взаимное влечение, смесь получится взрывоопасной. Ее мозг активно обрабатывал новые возможности, на лице застыло расчетливое выражение. От усилий она даже задышала с трудом.

Ужин протекал в спокойной расслабляющей атмосфере. Со вкусом сервированный стол, отменно приготовленные блюда английской кухни, столь любимые Заком, безукоризненно исполняющие свои обязанности лакеи. И

восхитительная Шона Маккензи напротив.

Обдумывая предложение, которое намеревалась сделать капитану Фитцджеральду, Шона подняла на него глаза. Ее решимость вдруг улетучилась, а вся затея показалась фантастическим сном, приснившимся кому-то другому. Но этот мужчина великолепен, источает силу и мужественность, импонирующие слабому полу. Судя по вежливой, хотя и несколько скованной настороженной манере поведения. Шона заключила, что ему не вполне удалось найти общий язык с Энтони. А вот искусством заставить женщину почувствовать себя особенной капитан Фитцджеральд, похоже, владеет в совершенстве. Он низко склонился к сидящей рядом с ним пожилой миссис Фробишер и внимательно слушал, глядя на нее серебристо-серыми глазами. Теми же самими глазами, которые ранее одобрительно осматривали Шону.

Разговор, главным образом затрагивающий события в Европе и Америке, тек спокойно и непринужденно, приправленный привычной для званого ужина пустой болтовней. Владельцы кораблей высказывали различные мнения о преимуществах своей профессии, дамы тем временем обсуждали светские журналы и украшения, приобретенные ими на одном судне. Шона вела оживленную беседу с фатоватым Джоном Филлигрю, по-мальчишески красивым юношей двадцати одного года с румянцем на щеках и копной медных кудрей. При этом время от времени она чувствовала на себе хищный взгляд пары серебристо-серых глаз и, поднимая голову, поглядывала на капитана Фитцджеральда.

– Мой отец совершил на этих землях множество преобразований, – произнес Энтони, отвечая на вопрос капитана о прежних днях в истории острова. – Привозя на остров рабов и невольников, он лично следил за вырубкой лесов, продажей древесины и подготовкой полей для возделывания культур. Теперь мы выращиваем тростник и имеем собственные корабли для транспортировки товаров. Также разводим домашний скот. По сути, сами производим все, что нам требуется.

– Насколько мне известно, у вас есть земля и владения в Вирджинии. Будучи столь занятым делами острова, находите ли вы время наведываться туда? – поинтересовался Зак, теребя длинными пальцами ножку бокала.

– Наведываюсь, когда выпадает возможность, но в целом, как и мой отец, нанимаю надежных людей, которые осуществляют руководство вместо меня.

– Энтони, – обратилась к мужу Кармелита с противоположного края стола. – Уверена, капитану Фитцджеральду совсем неинтересно об этом слушать. – Она улыбнулась Заку: – Приношу свои извинения, капитан Фитцджеральд. Мой муж имеет обыкновение все время говорить только о делах.

– Пожалуйста, не нужно извиняться. Я поражен царящим на таком маленьком острове изобилием. – Он посмотрел на Шону, и его губы изогнулись в едва заметной улыбке. – Честно признаться, он кажется мне очень привлекательным, я испытываю огромный соблазн поселиться здесь.

– Мы охотно примем вас, капитан, – подхватил Энтони. – Если перед отправлением у вас найдется свободное время, я с удовольствием покажу вам остров.

– Благодарю вас и с радостью принимаю предложение. А пираты вас не беспокоят, мистер Маккензи? В последнее время воды Карибского моря отравляет все большее количество преступников и отверженных. Удивляюсь, что вас до сих пор не сместили.

– Так бы и случилось, не прими мы меры предосторожности.

– Какие, например?

– Вдоль побережья я поселил людей, которые при приближении любого враждебного судна тут же поставят меня в известность.

– И вы можете полагаться на их преданность?

– Не преданность, а алчность играет решающую роль. Они, по сути, ничего не делают, но получают от меня жалованье. Разумеется, если меня сместят, никаких денег они больше не увидят. Тот же, кто своевременно принесет мне весть, получит вознаграждение, которое позволит несколько лет провести в праздности. Кроме того, на Санта-Мари существует природная система защиты. Скоро вы своими глазами увидите, что подветренная сторона острова закрыта от свирепых ветров, движущих торговые корабли, так что волны Карибского моря свободно накатывают на берег, в отличие от остальной части острова и высоких утесов, не имеющих защиты от бурунов Атлантического океана. Готовые к

обороне люди несут круглосуточную вахту. Отчаянным храбрецом должен быть тот пират, кто осмелится направить свой корабль в мою бухту.

Беседа прервалась с появлением лакея, который стал подливать гостям вино. Зак посмотрел через стол на обворожительную мисс Маккензи, все еще поглощенную разговором с Джоном Филлигрю, который, едва не касаясь ее головой, что-то нашептывал ей на ушко. Увидев это, Зак испытал прилив раскаленной добела ревности, какой не чувствовал ни к одной из своих бывших любовниц. Ему захотелось броситься вперед и оттащить от нее этого мужчину, сказать, что он не имеет права наклоняться к ней так близко, вообще не должен подходить к ней. До сегодняшнего дня ему не встречалась женщина, вызывающая в нем подобный отклик.

Мисс Маккензи оказалась словоохотливой и оживленной. Она обладала мелодичным голосом, казавшимся божественной музыкой для его ушей после шести недель, проведенных в море без женского общества. Когда она улыбалась, хмурилась, морщила веснушчатый носик или округляла глаза, ее лицо становилось особенно привлекательным. Подняв голову, она перехватила его взгляд, и у него возникло подозрение, что ей удалось прочесть его мысли.

– А вы всегда жили на этом острове, мисс Маккензи? – спросил Зак.

– Да, за исключением времени, проведенного мной в Англии, отец отправил меня туда получать образование.

Он задумчиво посмотрел на нее. Значит, он ошибся в своих первоначальных умозаключениях. Она, хотя и воспитывалась вдали от пагубного влияния цивилизованного общества, тем не менее не лишена его воздействия.

Шона отметила, какими светлыми выглядят глаза капитана в свете свечей. Он распространяет вокруг себя мужественную притягательность, которую просто невозможно игнорировать. Источаемая им сила безмолвно росла и ширилась. Шона с удивлением ощутила охватившую тело нервную дрожь. Заметив, что капитан Фитцджеральд, улыбаясь, внимательно наблюдает за ней, тут же позабыла о Джоне Филлигрю.

Перед ее глазами промелькнула безликая вереница отвергнутых поклонников. Ни одному из них не удалось взволновать ее, заставить кровь вскипеть в жилах,

в отличие от капитана Фитцджеральда, с легкостью проникшего ей в душу, провоцируя бешеное сердцебиение. Его взгляд все больше беспокоил ее. Раздумывая над этим, она выпила бокал вина и промокнула губы салфеткой. Обжигающие глаза по-прежнему наблюдали за ней поверх вазы с цветами, стоящей между ними.

Наконец Энтони отодвинул стул.

– Я с нетерпением жду новых историй о Вирджинии, капитан Фитцджеральд. Можем ли мы хотя бы надеяться, что до отплытия вы еще раз нанесете нам визит?

– Разумеется.

По сигналу хозяина об окончании ужина дамы удалились в гостиную пить кофе, джентльмены остались в столовой наслаждаться импортированным из Испании портвейном. Этот напиток очень любил отец Шоны. Желая освежиться, Шона вышла на утопающую в цветах террасу, опоясывающую дом, и с мечтательным видом зашагала по ней, вдыхая разлитые в воздухе ароматы тропических растений.

Глядя на деревья в дальнем конце сада, она вспомнила те далекие дни, когда гуляла с отцом, слушала щебетание птиц и тихий шорох мха, свисающего с веток деревьев и задевающего лицо. Она, как наяву, ощущала запах одеколона отца. От его одежды пахло кожей и лошадьми. Какими бы мимолетными ни были эти воспоминания, она едва сдержалась, чтобы не расплакаться от охватившего душу томления.

В вечернем воздухе слышался стрекот цикад, сливающийся с гулом людских голосов из дома. Слабый ветерок мягко покачивал ветви деревьев, шелестел листьями и доносил на террасу аромат цветущих кустарников. Задумчиво глядя на пестрящую тенями лужайку, Шона вздохнула. Внезапно прямо за спиной раздались шаги. К ней приблизилась темная фигура, потянуло ароматным дымком. У нее екнуло сердце.

– Ах, – чуть слышно сказала она. – Я думала, здесь никого нет.

– Приношу извинения, мисс Маккензи. – В низком глубоком голосе капитана Фитцджеральда звучало беспокойство. – Я вовсе не хотел напугать вас. Просто решил выкурить трубку на свежем воздухе, прежде чем вернуться на корабль. Однако спешу уверить: общение с красивой женщиной на тропическом острове – удовольствие ни с чем несравнимое. Дым вам неприятен?

Шона дивилась тому, какое поразительное действие оказывает его присутствие на ее сердцебиение и пульс, но решила оставить наблюдения при себе. Она старалась рассмотреть лицо капитана, скрытое в темноте.

– Вовсе нет. Курите сколько хотите. Мне даже нравится запах табака, он воскрешает горькие воспоминания об отце. Он тоже время от времени любил выкурить трубку.

– Вполне естественная привычка. В Вирджинии выращивают табак. Индейцы научили нас курить его.

– Понимаю.

– Если кажусь вам навязчивым, я немедленно уйду.

– Нет, – поспешно воскликнула Шона, – прошу вас, вам вовсе не нужно уходить!

Он кивнул:

– Что ж, хорошо, я останусь.

– Сколько времени вы намереваетесь провести на острове, капитан?

Выйдя из тени, он посмотрел на нее через дымовую вуаль, поднимающуюся от его трубки.

– Самое большее неделю. – Сделав широкий жест рукой, он указал на скрывающиеся за деревьями пологие холмы. – А потом должен буду все это покинуть и вернуться в Лондон.

Склонив голову набок, Шона посмотрела ему в глаза.

– В вашем голосе мне слышится сожаление. Но ведь вы приедете сюда снова, не так ли?

– Когда-нибудь в будущем. Не желаете поговорить? – предложил он, опираясь плечом о стену дома и не сводя глаз с Шоны.

Она облокотилась о балюстраду.

– О чем же, капитан?

Он ответил не сразу:

– О чем-нибудь. – Он пожал широкими плечами. – О том, о чем вам приятно разговаривать. Не расскажете ли вы мне для начала об этом очаровательном острове, который называете своим домом? Мне известно, что изначально на него заявили свои права испанцы, и именно они дали ему название Санта-Мария.

– Так и было. Они основали небольшое поселение и зарабатывали себе на жизнь тем, что охотились на дикий скот и свиней, а потом продавали вяленое мясо проходящим мимо судам. В конце концов они покинули этот остров и перебрались на другие, более крупные. Тогда Санта-Мария стала пиратским логовом и оставалась им до тех пор, пока его не захватила Британия. Мой отец впоследствии выкупил его у государства.

– Он был англичанином?

Шона отрицательно покачала головой:

– Он родом из Шотландии. Когда мой отец был маленьким мальчиком, его отца, который занимался клеймением скота, повесили за какие-то преступления на большом дереве во дворе замка Инверари. Осиротевший отец перебрался на юг в поисках лучшей жизни для себя и своих будущих потомков. Обладая живым умом и смекалкой, он вскоре понял, как сколотить состояние. Он брал займы на предприятия, в которых другие терпели поражение, и преуспевал. Скоро его заимодавцы – купцы и аристократы – стали сами приходить к нему.

– Он многого добился благодаря своим амбициям.

– Да, верно, но также он был человеком принципа и вообще парнем не промах. Он с юных лет мечтал разбогатеть. – Шона вспомнила рассказы отца о том, как он обзаводился городскими особняками, сельскими поместьями и огромными участками земли, как в Британии, так и в колониях. – Его успех принес ему уважение, но, как ни велико было его желание войти в высшие круги общества, его отвергали. Ему было тридцать пять лет, когда он женился на моей маме, дочери деревенского джентльмена, и заполучил Санта-Марию.

– И они решили поселиться на острове.

– Они влюбились в него при первом же посещении. К тому же климат оказался очень хорошим, и они отважились на переезд. Вскоре отец сформировал на острове маленькое культурное общество, состоящее из торговцев, выстроил себе особняк со всеми возможными удобствами, который превосходил дома его лондонских друзей. К сожалению, мама прожила в нем недолго. Вскоре после моего рождения она скончалась от тропической лихорадки.

– Должно быть, вам пришлось нелегко, лишившись матери в столь юном возрасте.

– Верно, но я была слишком мала и совсем ее не помню.

– А с отцом у вас были близкие отношения?

– Да, – негромко ответила Шона. – Я его обожала. Когда я уехала в Англию, он навестил меня там. А потом вернулся на остров и заболел. В живых я его уже не застала.

– Мне очень жаль. Должно быть, ваша общественная жизнь на острове весьма ограничена, ведь она протекает вдали от мира.

– Нет, вовсе нет. Я люблю остров и местную жизнь, однако временами чувствую себя здесь как птица в клетке, которой не суждено свободно воспарить в небесах, – с сожалением призналась она. – Мне нравилось жить в Англии. У меня появилось много подруг, девушек, с которыми я вместе училась в школе. Однажды я вернусь в Лондон, и это случится скоро, надеюсь. Все же вы правы, гостей на Санта-Марии мало, да и приезжают они редко.

– В таком случае это настоящее преступление – жить здесь без связей с внешним миром. – Захария пронзил ее пристальным взглядом, который она, стоя совсем рядом, отчетливо ощутила на себе. – Вам было бы лучше в Вирджинии или Лондоне, где вам поклонялись бы состоятельные молодые плантаторы и аристократы и где вы могли бы танцевать до самого утра.

Шона сумрачно смотрела на него, польщенная и воодушевленная тем, что он дал себе труд поразмыслить о ее судьбе и озвучить свои соображения. Правда, ей совершенно не хотелось уезжать с Санта-Мари. Мысль о том, что она так понравилась капитану, придала ей мужества. «В таком случае, – решила она, – он не откажется помочь. Этот мужчина, несомненно, истинный джентльмен, какие бы ни ходили слухи о его связях с пиратами».

Она решила спросить его немедленно. Ее инстинкты безошибочно подсказали, что ему можно доверять.

– Что бы вы сказали, – протянула она, – если бы я попросила вас оказать мне одну услугу?

– Услугу? – Захария настороженно прищурился. – Какую именно?

Она продолжала уверенно смотреть ему прямо в глаза, хотя сердце, казалось, подступило к самому горлу. Распрямив плечи, она спросила:

– Скажите, капитан Фитцджеральд, вы женаты?

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– Не согласитесь ли вы взять меня в Англию?

Зак тяжело вздохнул, понимая, что не может этого сделать. Шона Маккензи настоящая леди, к тому же невинная девушка, укрыть ее на своем корабле означало коренным образом изменить его налаженную жизнь. А поступить должным образом, как потребовала бы матушка, ему не хватало мужества, невзирая на всю ее красоту.

– «Жемчужина океана» – торговое судно, мисс Маккензи. Мне очень жаль, но на нем нет удобств для перевозки пассажиров.

– Я прошусь к вам на судно не пассажиром, капитан Фитцджеральд. Возможно... возможно, вы захотите на мне жениться?

– Великий боже! – воскликнул Зак, глядя в ее светящиеся надеждой изумрудные глаза.

Несколько приободренная тем, что не получила немедленного отказа, Шона продолжила:

– Прежде чем вы дадите ответ, думаю, следует упомянуть о том, что отец оставил мне значительное наследство и...

– Прошу вас, не продолжайте, – перебил Зак, вскидывая руку. – Я все понял. Простите меня за то, что не знаю, как правильно ответить. Возможно, следует сказать, как сильно я польщен, но, видите ли, мне впервые в жизни делают предложение. По этой причине вы попросили меня остаться, мисс Маккензи? – решительно спросил он. – Чтобы сначала задобрить, а потом ошарашить?

Опустив голову, Шона кивнула:

– Да.

Зак вполголоса выругался. Как она посмела сделать о нем выводы, да еще и воспользоваться его желанием к ней, которое он не потрудился скрыть? Вынув из кармана кожаный кисет, он сунул в него трубку, снова спрятал его в карман, большим пальцем принялся утрамбовывать табак. В его крупных руках была заключена недюжинная сила, способная разрушить что угодно, однако они оказались на удивление деликатными, так что глиняной трубке, которую он держал, ничто не грозило.

– Меня зовут Шона, – сказала она, пытаясь завязать с ним дружеские отношения, которых он не хотел.

Зак глубоко вздохнул, искренне надеясь, что происходящее всего лишь причудливый сон, и пробуждение не заставит себя долго ждать. Слишком поздно пришло осознание того, что ему вообще не стоило принимать приглашение на ужин Энтони Маккензи. Опасность оказалась чересчур велика. Нужно было держаться подальше и постараться скорее забыть о прекрасной молодой женщине, встреченной им на пристани. Ни к чему такие неприятности. Он мог бы хорошо провести время в компании любой женщины с набережной, но, как ни странно, на этот раз не испытывал привычного желания. Каким-то образом Шоне удалось проникнуть в его мысли. Да, нужно было ему остаться на корабле, а со следующим же отливом отплыть на соседний остров, как диктовали инстинкты.

– Почему вы так хотите выйти за меня замуж? На острове наверняка полным-полно холостых состоятельных мужчин, с которыми вы могли бы связать свою судьбу.

– Нет, ни единого.

– Иначе говоря, вы рассматриваете меня в качестве своего билета с острова? В этом все дело?

Шоне стало неловко от его вопросов и пронзительного взгляда, она потупилась, предпочтя смотреть на темный сад. Капитан Фитцджеральд для нее незнакомец, непросто рассказать ему о своем нынешнем положении. Ну как поведать, сколь несчастна она в Мелроуз-Хилл, доме, в котором родилась и выросла, как отчаянно тоскует по отцу? Как признаться, что единственный способ избежать язвительных замечаний Кармелиты – выйти замуж и уехать с острова?

– Да, – с жаром воскликнула она, – я хочу покинуть остров. Энтони дьявольски ревностно опекает меня и не позволит этого сделать до тех пор, пока у меня не появится муж, который будет обо мне заботиться.

Упершись руками в стройные бедра, Зак холодно смотрел на нее.

– Поскольку ваш выбор столь ограничен, мисс Маккензи, придется продолжить поиски. Вашим мужем я точно не стану. Вот уж нет!

Шона придвинулась ближе к нему, не вполне понимая, что намерена сделать. Она пока не готова сдаться. Подняв к нему лицо, она провела языком по нижней губе и, томно глядя на него, спросила:

– Мне не удастся заставить вас изменить решение, капитан?

Зак хмуро взирал на ее мягко поднимающуюся и опускающуюся грудь, на соблазнительные губки, такие полные, нежные и дрожащие, стараясь игнорировать безмолвный призыв больших сияющих глаз, ищущих укрытия от его гнева.

– Будь все проклято! Даже соблазнительной красавице вроде вас, мисс Маккензи, не удастся убедить меня и заманить в ловушку брака, – ответил он, не двигаясь с места.

Обычно он сторонился девушек брачного возраста, впрочем, как и от любых других представительниц слабого пола, которые могли иметь матримониальные притязания, предпочитая незамысловатые отношения с дамами низшего класса и гораздо более скромными аппетитами. Как показывал опыт, такое поведение самое мудрое. Много лет назад в Англии у него случилось непродолжительное общение с женщиной, которой удалось на короткое время завоевать его внимание. Это обошлось слишком дорого, он оказался закованным в кандалы и теперь не намеревался повторить прежнюю ошибку.

– Я не желаю лишаться свободы выбора. Сколь бы сильно мне ни хотелось удовлетворить с вами плотские аппетиты, я не комнатная собачка и не позволю накинуть себе на шею петлю брака. Когда в следующий раз решите навязываться опытному мужчине, тщательно рассчитывайте каждый шаг, в противном случае вам не выжить. Я не слышу человеком обходительным. У меня прогнившая душа, и я могу без сожалений погубить наивную девушку вроде вас. Так что берегитесь, мисс Маккензи. Не стоит искушать меня. Когда – и если – я надумаю жениться, буду сам делать предложение.

– Я подумала... что...

– Что? – язвительно спросил он, предпочитая не замечать, как сильно она побледнела, продолжая говорить подчеркнуто грубо. – Что, если вы позволите мне поцеловать вас, это поможет вам убедить меня?

Капитан казался Шоне огромным и стоял очень близко. Его мощное тело излучало тепло, под стать тому, что жаркой волной заливало ее щеки.

– Я... я не знаю.

– В жизни не все так просто. Я целовал многих женщин, к которым испытывал влечение, но это вовсе не означает, что хоть одну из них я хотел сделать своей женой.

Шона испытала внезапный прилив ярости от осознания собственной глупости и наивности.

– Вы-то, возможно, и привыкли целовать женщин, а вот у меня такого опыта нет, – честно призналась она, показывая тем самым, что действительно невинна.

– И все равно вы заблуждаетесь, полагая, что я захочу жениться на вас.

– Мне следует упомянуть, что мое приданое весьма велико.

Выражение лица Зака тут же сделалось напряженным и отстраненным. Он окинул ее оценивающим взглядом, будто решая, чего она на самом деле стоит, и, похоже, засомневался, судя по сдвинутым бровям и дикому блеску в глазах. Он посмотрел на Шону с отвращением.

– А теперь вам вздумалось оскорблять меня, – произнес он сдержанным тоном, от которого веяло арктическим холодом, у Шоны по спине пробежал холодок. – Купить меня тоже нельзя. Да и деньги ваши мне ни к чему. У меня своих предостаточно. Сколь бы большим ни было ваше приданое, мисс Маккензи, что заставляет вас думать, будто вы его достойны?

Шона ахнула, чувствуя себя полностью посрамленной.

– И вы решили нанести мне ответное оскорбление, – вспыхнула она, ощущая, как внутри вновь разгорается гнев, подобный пламени, охватившему сухое полено. Она злилась на себя за то, что наивно полагала, будто этот мужчина способен помочь ей.

– Имея много денег, вы вольны поступать так, как заблагорассудится. Вам всю жизнь все преподносили на блюдечке с серебряной каймой. Чего вам еще желать?

– Свободы! – страстно вскричала она. – Свободы поступать так, как хочется. Блага цивилизации для меня не самое главное.

– Если вы полагаете, что, вступая в брак, обретете свободу, советую срочно пересмотреть свое мнение, иначе обнаружите себя закованной в кандалы иного рода. Но если вы в самом деле этого хотите, продолжайте! Можете выбрать себе место жительства или даже купить мужа. Ни то ни другое не слишком трудная для вас задача. У вас имеются и другие достоинства помимо приданого, – зло пробормотал Захария сквозь зубы, окидывая ее надменным презрительным взглядом. – Очень скоро в бухте бросит якорь другой корабль, следующий в Англию, на его борту, возможно, отыщется дурак, который согласится взять вас в жены.

Ярость и издевки капитана хлестали Шону, как удары кнута. Пораженная его жестокими словами, она чувствовала, как краска приливает к щекам, и плотно сжимала губы, пытаясь держать эмоции в узде. Выпрямив спину и вздернув подбородок, она посмотрела ему в глаза. Он наблюдал за ее мужественной борьбой с самой собой за сохранение контроля, в которой она одержала победу, отмечая ее царственный, точно у юной королевы, вид. Ее глаза словно заволокло инеем.

– Я отлично поняла вас, капитан Фитцджеральд. Вы сущий дьявол и варвар, бессердечный варвар. Очень сожалею, что вообще обратилась к вам. О моей просьбе мы больше не скажем ни слова. Благодарю за то, что потратили на меня время, и не смею дольше вас задерживать.

Она попыталась проскользнуть мимо него, но его сильная рука удержала ее.

– Варвар? Поверьте, мисс Маккензи, вы и понятия не имеете, каким варваром я могу обернуться. Вряд ли бы вы захотели стать моей женой, – добавил он рокочущим, точно отдаленный гром, голосом.

Он крепче сжал ее руку и угрожающе медленно стал оттеснять к балюстраде. Его хватка не была особенно болезненной, но заключенная в пальцах сила

пугала. Второй рукой он хотел было взять ее за подбородок, но Шона отвернулась. Его жесткие пальцы все же добились желаемого, заставив ее вскрикнуть.

– Отпустите! Вы делаете мне больно. Я же не могу с вами бороться, вы гораздо сильнее меня.

Зак смотрел на нее сверху вниз. От его внимания не укрылась вспыхнувшая в ее глазах искра раздражительности или, возможно, страха. Он недовольно стиснул зубы и нетерпеливо отпустил ее руку, как бы случайно проведя ладонью по груди. Этот контакт поразил и его, и ее, судя по яркому румянцу, выступившему у нее на щеках.

Шона попыталась не придавать значения его прикосновению.

– Я же просила отпустить меня! – воскликнула она ледяным тоном. – Уберите от меня руки.

Совершенно естественная реакция для женщины ее социального статуса. Зак решил попробовать обратить ее сдержанность себе на пользу.

– Так я и сделаю, – произнес он, проводя пальцами по ее груди, – но прежде заставлю вас осознать свою ошибку. Никто не может принудить меня к женитьбе. – Отпустив ее подбородок, он с угрюмой радостью заметил, как она морщится. Он склонился ниже. В лунном свете его смуглое угрожающее лицо было подобно граниту. – Став моей женой, вы будете всецело находиться в моем распоряжении, и я буду овладевать вами всякий раз, когда пожелаю. Пр продемонстрировать вам, как именно я стану заявлять на вас свои супружеские права?

Шона заметила, как его губы медленно приближаются к ее рту. Зак обхватил ее рукой за талию и притянул к себе, с силой прижавшись всем телом. Ноги вдруг отказались ее держать, колени ослабели. Когда она смотрела ему в глаза, инстинкт самосохранения кричал о том, что она слишком далеко зашла. Запаниковав, Шона отвернула лицо, не дав его губам коснуться ее губ. При этом прерывисто дышала, будто от быстрого бега. Нимало не смутившись, Зак развернул ее лицо к себе и поцеловал. Шона была слишком обескуражена, чтобы сопротивляться, и просто обмякла в его объятиях. Не получив отпора, Зак стал

целовать ее более настойчиво. В отчаянной попытке добиться от нее ответа он, казалось, стремится выпить ее душу.

Его собственнический поцелуй погрузил Шону в жаркий мрак, в котором ничто не имело значения, за исключением соблазнительных алчных губ и опытных рук. Ошарашенная дикой мощной сексуальностью, она утоляла его голод. Ее приоткрывшиеся губы радушно приняли его язык. Шоне казалось, что у нее во рту распустились плотные бутоны, превратившиеся в цветы, дарящие свое великолепие. Она боялась, что ее тело вот-вот расплавится, а сердце билось как сумасшедшее, когда его пальцы снова принялись неспешно ласкать ее груди. Угасающее сознание смутно отметило чувство наслаждения. При иных обстоятельствах ей могло бы даже понравиться ощущение, даруемое прикосновением крепкого мужского тела. Тут она напомнила себе, что он собирался оскорбить ее, продемонстрировать свою власть над ней.

Лаская губами ее шею, Зак почувствовал слабость. Будь оно все проклято, он не может оторваться от этой женщины! Он понял, что проигрывает битву за самоконтроль.

Шона почувствовала его внутреннюю борьбу. Сквозь пелену тумана, окутавшего сознание, она услышала его мягкий стон. Зак отстранился от нее так резко, что она пошатнулась. Он молча стоял и смотрел на нее сверху вниз с выражением боли, наслаждения и гнева, будто видел впервые в жизни. Она была рада, что спиной упирается в балюстраду, в противном случае неминуемо упала бы, ибо ноги отказывались держать ее.

– Зачем вы это сделали? – прошептала она потрясение. Из уголка глаза выкатилась предательская слезинка.

Зак и сам едва понимал зачем, глядя на уязвленную, готовую вот-вот разрыдаться Шону. При этом она выглядела очень красивой. Боже всемогущий, какая же она красивая! Он желал ее так страстно, что было трудно дышать. Зак плотно сжал челюсти, глядя на ее мягко вздымающуюся грудь и полные манящие губы, припухшие от его яростных поцелуев. Он протянул к ней руку, желая стереть слезинку с ее щеки, и тут же отстранился, заметив, как она обхватила себя руками за талию, будто желая защититься от него. У него вдруг появилось ощущение, что он обидел бродячую собаку.

– Не бойтесь, мисс Маккензи, – хриплым, резко резонирующим в тишине голосом произнес он, – это варварское поведение больше не повторится. Впредь я не трону вас и пальцем. У меня и без женитьбы проблем хватает. Желаю вам доброй ночи.

Раздраженно запустив руку в волосы, Зак вошел в дом, намереваясь разыскать первого помощника и немедленно откланяться. Затопивший его прилив гнева постепенно шел на убыль. Лишь бешено бьющийся пульс выдавал смятение. О будущем он думал с сожалением. Предложение мисс Маккензи не шло у него из головы. Собственный жесткий отказ мучил, он никак не мог понять, как она ухитрилась заставить его почувствовать себя таким грубияном.

Боже всемогущий, какая восхитительная женщина! Да помогут небеса тому несчастному, кто отважится на ней жениться. Заку нравились женщины горячие, энергичные, с огнем в крови. Именно на этих качествах можно было построить настоящие отношения, а Шоне с ее упрямой настойчивостью нужен столь же волевой мужчина, что и она, да еще и с ангельским терпением.

Шона стояла, глядя в сад, сраженная и случившимся, и ходом собственных мыслей. Капитан Фитцджеральд – самое большое потрясение за всю ее двадцатилетнюю жизнь. Его поцелуй породил в ней волну, грозящую разорвать на кусочки. Сердце восторженно колотилось от преступного наслаждения. Великий боже, в ее представлении именно такие ощущения должны были возникнуть у нее к будущему мужу. Она частенько мечтала о подобном поцелуе, но действительность превзошла все ожидания. Первый поцелуй погрузил ее в исступленное море восторга. Губы капитана, крепкие, теплые и влажные, ласкали ее рот, становясь все более настойчивыми, требуя отклика, она инстинктивно ответила.

Глаза Шоны заволокло непрошеными слезами, которые она тут же промокнула платком. Возможно, она выпила слишком много. Сказать, что собственное поведение ошеломило ее, – не сказать ничего. Паля из пушки по гнету обычаев и выбрасывая боевой флаг с символом свободы, она не представляла, какой окажется реакция капитана Фитцджеральда на ее предложение. У нее не укладывалось в голове, как она вообще решилась попросить, нет, потребовать жениться на ней.

Продолжая обдумывать случившееся, она вдруг осознала, что капитана больше нет рядом. Он ушел, не сказав ей ни слова, и лишь разлитый в воздухе запах табачного дыма свидетельствовал о том, что он был здесь.

Шона не знала, связаны ее гнев и яростное разочарование с тем, что ее отвергли, или собственное будущее до сих пор видится ей весьма туманным. Как бы то ни было, нынешний вечер навсегда останется в ее памяти и сердце.

В одном она была абсолютно уверена: капитан Захария Фитцджеральд – последний мужчина на земле, за которого она вышла бы замуж.

Уход Шоны на террасу не остался для Кармелиты незамеченным. Золовка не возвращалась довольно долго, и она решила разыскать ее. Заглянув к джентльменам, наслаждающимся портвейном после ужина, она выяснила, что капитан тоже отсутствует.

Подойдя к дверям террасы, Кармелита посмотрела на залитый лунным светом сад. Стоя в тени, заметила, как капитан Фитцджеральд входит в дом через другие двери. Его лицо было непроницаемым, челюсти крепко сжаты. Затем до нее долетел его голос, осведомляющийся о мистере Синглтоне. Через несколько минут мужчины уехали.

Тут Кармелита столкнулась лицом к лицу с Шоной, которая, бросив на нее виноватый взгляд, не говоря ни слова, проскользнула в гостиную к остальным дамам. Кармелите стало интересно: что за эмоции отражались в глазах золовки? ярость? боль? разочарование? Угадать было сложно, но, что бы это ни было, оно могло поведать интересную историю.

Кармелита закрыла глаза, чтобы скрыть вспыхнувший в их глубине хищный огонь, и стала обдумывать, как ей свести этих двоих вместе и, выпроводив Шону с острова, навсегда избавиться от нее.

Выйдя из дому, Шона зашагала по тропинке, которая вела через сад в лес. Стоило вступить в тенистый чертог, как она оказалась в ином, сумеречном прекрасном мире. Деревья с толстыми стволами достигали двух сотен футов в высоту, их верхние ветви сплетались в сплошной удушающий растительный покров. Беспорядочное скопление лиан распространилось во все стороны, некоторые зеленым каскадом стекали вниз, другие ползли вверх, точно питоны. Во впадинах росли мхи и папоротники размером с дерево и с толщиной ствола в человеческую руку. На ветвях многих деревьев зрели плоды: зеленые авокадо, золотистые манго, дикие абрикосы и лайм.

Тропинка шла под уклон, пять минут спустя Шона оказалась на открытой местности, где каменный пласт выходил на поверхность. В центре площадки имелась глубокая полость, заполненная водой, стекающей с огромных валунов. Они поднимались на двадцать футов над землей, но были надежно скрыты со всех сторон стволами высоких деревьев и росшим между ними кустарником.

На встречу с Энтони Зак прибыл сразу после ухода Шоны. Через открытые двери он увидел ее удаляющуюся спину. Девушка направлялась в лес. Подоспевшая к нему Кармелита заметила, как он смотрит вслед золовке.

– Шона очень красива. Вы согласны, капитан?

– Согласен.

– И, как мне кажется, вы пришли к нам в дом не только для того, чтобы встретиться с моим мужем?

Зак слегка прищурился, игнорируя вопрос.

– Я здесь по приглашению вашего мужа. Он собирался показать мне остров.

– Дело в том, что Энтони задерживается на мельнице. Его не будет еще около получаса. Не хотите ли пока последовать за Шоной? Она любит гулять по берегу ручья. Там очень красиво. Уверена, вы сполна насладитесь видом. Кроме того, по какой-то причине она сегодня не в духе и, быть может, обрадуется обществу.

Заку это предложение пришлось не по душе. Возникло подозрение, что им пытаются манипулировать, тем не менее он решил воспользоваться советом Кармелиты. Он сожалел о своем поведении прошлым вечером и хотел извиниться перед Шоной за жестокие слова. Кроме того, ему никак не удавалось подавить желание снова ее увидеть.

Хитро улыбаясь, Кармелита наблюдала за тем, как он уходит. «Пока все идет хорошо», – думала она. К тому времени, как он достигнет ручья, Шона уже снимет платье и погрузится в воду. За ужином прошлым вечером Кармелита заметила пламя страсти, разгорающееся в глазах Зака всякий раз, когда он смотрел на Шону. Без сомнения, он не сможет перед ней устоять.

Забрасывание наживки – слишком просто. Гораздо сложнее поймать капитана на крючок.

Зак шел по той же тропинке, что и Шона. Больше всего его беспокоила собственная мощная физическая реакция на нее. Вожделение. Сильнейшее вожделение, превращающее тело в сплошной болезненный сгусток желания. Ему хотелось вдыхать ее запах, касаться кожи, смотреть в глаза, ощущать, как ее лоно принимает его в себя, купаясь в безумном, безудержном наслаждении.

Подобная реакция на женщину не типична для него. Осознание этого потрясло его до глубины души, проникло в мысли, поработило. Он не мог уразуметь, почему Шона оказывает на него такое воздействие, но одно знал точно: он хочет, чтобы она, теплая и податливая, оказалась в его объятиях.

Во время вчерашнего ужина Зак заметил, что невестка Шоны весь вечер не сводила с нее пронзительного взгляда. Тогда-то он и понял, что обстановка в Мелроуз-Хилл вовсе не так безмятежна, как кажется. Быстро сложив кусочки головоломки вместе, он догадался о причинах, побудивших Шону сделать ему предложение. Приблизившись к ручью, он увидел ее сидящей на берегу. Обхватив руками колени, она смотрела в воду. Зак тут же снова ощутил ее душевное страдание.

Его сердце дрогнуло, смягчаясь, затем он ощутил болезненный укол. Шона, несомненно, целеустремленная своевольная молодая женщина, однако была в ней уязвимая черта, что-то, достойное сочувствия, скрытое от посторонних глаз.

Уходя прошлой ночью, Зак никак не мог смириться с поразительной мыслью, что, если он не проявит осторожность, эта женщина может проникнуть в его сердце, хотя он этого совершенно не желает. Спускаясь по тропе, он напоминал себе о необходимости держаться от нее подальше во избежание неприятностей.

Оказалось, находясь в уединении леса, она сняла платье. Ее мокрые волосы были откинuty на спину, нательная сорочка липла к телу. Кожа сияла в свете, струящемся через кроны деревьев, придавая ей сходство с соблазнительной неуловимой лесной феей. Встретив ее на пристани, прекрасную, наивную и одновременно вздорную, он не мог думать ни о чем и ни о ком, кроме нее. Она гипнотизировала его своим видом, умиротворяя сердце и кровь. Какую бы опасность она собой ни являла, Зак знал, что не сможет держаться в стороне.

Но жениться на ней он вовсе не собирался, не желал приносить в жертву свою свободную холостяцкую жизнь. Кроме того, существовало обязательство, делавшее невозможной женитьбу на Шоне Маккензи.

У Зака была маленькая дочь, которую он любил без памяти, но не мог открыто признать своей. Он и не подозревал, что можно испытывать подобные чувства к другому человеческому существу. Последний раз, покидая Англию, он и подумать не мог, как сильно подействует на него пара невинных карих глаз и ямочки, появляющиеся на щеках, когда ребенок улыбается. Прежде его сердце было закрыто для подобных радостей. В обозримом будущем придется приковать себя цепями к ее матери, чтобы получить и дочь тоже.

Занятая своими мыслями, Шона не замечала приближения Зака до тех пор, пока он не оказался прямо у нее за спиной. Вздвогнув, она обернулась, с тревогой глядя на него, встала. Сердце предательски екнуло.

– Капитан Фитцджеральд! – ахнула она, чувствуя себя чрезвычайно неловко под его мрачным оценивающим взглядом. Рука метнулась к горлу. Она обмерла при мысли о том, что он видит ее не одетой.

Затравленный взгляд Шоны позабавил Зака. Посмотрев в ее глаза, отражающие солнечные лучи, он поразился. Сначала они показались ему двумя изумрудно-зелеными кристаллами, в следующий момент их цвет изменился. Зак залюбовался ее кремовой кожей. Стройная и грациозная, она была словно соткана из воздуха и, казалось, вот-вот весело пустится в пляс. Ему с трудом

удалось заставить себя сосредоточиться. Он понимал: она расстроена из-за того, что он видит ее неодетой, и пытался подыскать слова утешения.

Он улыбнулся.

– Я закрою глаза, если от этого вам станет легче. – В его голосе слышалась добродушная ирония и юмор.

– Нет, – простонала она. – Слишком поздно. Вы меня уже увидели.

– Поверьте, мисс Маккензи, я вовсе не распутник.

– Но и не слепой тоже!

– Нет, не слепой, – со смешком подтвердил он. – Не стану отрицать, ваше совершенное тело радует глаз.

– При иных обстоятельствах я поблагодарила бы вас за комплимент, но, стоя перед вами полураздетой, понимаю, это неподобающе.

– Вы станете возражать, если я останусь?

– Нет, не стану.

Он рассмеялся:

– Вы такая серьезная. На самом деле вам совсем не хочется видеть меня рядом. Все еще злитесь на меня.

– Если бы я злилась, сказала бы об этом прямо. Что вы здесь делаете?

Уголки его глаз сузились, но не от улыбки.

– Я заметил, как вы уходили из дому, и хотел извиниться за свое поведение прошлой ночью. Не следовало мне говорить с вами столь сурово.

– В самом деле? Вы проделали такой долгий путь, чтобы сказать мне это? Я удивлена. Никто никогда сюда не приходит.

– Ваша невестка сообщила, где вас найти.

– Правда? – Шона презрительно скривила губы. – И отчего меня это не удивляет? Как видите, я пришла сюда купаться. Поразительно, зная об этом, Кармелита все же предложила вам последовать за мной. – «Хотя, – подумала она, отворачиваясь от него и садясь обратно на камень, – Кармелите хочется от меня избавиться. Увидев в капитане Фитцджеральде подходящего кавалера, она изо всех сил старается свести нас вместе».

Ощувив жар послеполуденного солнца, он скинул сюртук и опустился на корточки рядом с Шоной.

– У меня сложилось впечатление, что вы с ней не ладите.

Переведя взгляд с воды на пальмы, Шона негромко ответила:

Я не питаю большой любви к невестке, капитан Фитцджеральд. Мы терпим друг друга потому, что того требует ситуация. Иногда мне кажется, мы были созданы специально, чтобы враждовать друг с другом. – Она склонила голову набок. – Вы встревожились, капитан.

Не нужно. Мне и самой было не особенно лестно просить вас жениться на мне. Теперь я сожалею о своем глупом поведении. Не такая я дурочка, чтобы повторять одно и то же дважды.

– Полагаю, я должен испытать облегчение. Хотя получить предложение от прекрасной дамы – уникальный для меня опыт. Умеете вы поразить мужчину.

– Иногда приходится просто использовать первую попавшуюся возможность, хотя понимаешь, что совершаешь величайшую в своей жизни ошибку.

– Главное, научиться извлекать уроки из ошибок, а не просто зализывать раны. Уверю, вам бы не захотелось стать моей женой.

Шона пожала плечами, перебросив волосы через плечо. Они уже начали подсыхать и теперь ласкали кожу.

– Возможно, вы правы. – Повернув голову, она посмотрела ему прямо в лицо. – Вы не хотите брать меня в жены, я понимаю.

– Понимаете?

Зак внимательно всмотрелся в ее лицо. Она вовсе не глупая, в глазах светится живой ум, это он отметил с самого начала. Непроизвольно он перевел взгляд на ее рот, манящий, увлажненный, розовый, как гвоздика, будто специально созданный для поцелуев, щедрый, с полной нижней губой, умоляющей о мужской ласке.

От пристального взгляда у Шоны перехватило дыхание. Она заметила у него на шее серебряную цепочку, но то, что на ней висело, было скрыто складками рубашки. Возможно, крестик? Ей отчаянно хотелось прикоснуться к нему, узнать, что он скрывает. Внезапно она поняла: он сидит слишком близко. Шона ощущала сокрытую силу и исходящее от его тела тепло. Его кричащая мужественность рождала чувство испуга и незащищенности. Все же по какой-то непонятной причине ей совершенно не хотелось отодвинуться от него подальше.

– Была бы вам весьма признательна, если бы вы не стали никому рассказывать о моем вчерашнем предложении. Если только вы уже не...

– Нет, – спокойно заверил Зак. – Это останется между нами. Но жениться на вас я не стану. Не могу.

– Но вы же говорили, что не женаты.

– Верно, – прищурившись, согласился он, не глядя на нее, и перевел взгляд на солнце. – Но в Англии у меня имеются обязательства, которые я должен исполнить.

– Понимаю. Мы друг для друга чужие люди, капитан, и вам не нужно ничего объяснять.

Зак сжал зубы. Какое же она восхитительное создание, такое красивое и рассудительное, облаченное в одну лишь сорочку, которая липнет к телу, обрисовывая каждую чудесную линию. Девственная и отстраненная, при этом удивительно возбуждающая и с налетом загадочности, который невозможно не заметить. Зак почувствовал ответную реакцию собственного тела, еще больше распалившую его страсть. Мгновение, показавшееся вечностью, он всматривался в ее порозовевшее лицо, густые ресницы и полукружия тонких бровей, затем протянул руку и нежно коснулся ее подбородка. И тут же ощутил дрожь под пальцами.

– Шона, – пробормотал он, впервые обращаясь к ней по имени, смакуя его на губах. – Если бы я был свободен, то боюсь, в самом деле поддался бы искушению.

Она заставила себя улыбнуться в ответ на это галантное замечание, но промолчала. Вместо этого нырнула в теплые манящие глубины водоема радужного зеленоватого оттенка. Нательная сорочка заколыхалась вокруг ее бедер. Вытянув стройные ноги, она взглянула на Зака, который тоже неотрывно смотрел на нее. Время от времени скрываясь под водой, она доплыла до противоположного берега и, вернувшись обратно, снова села рядом с ним. С нее стекала вода. Отклонившись, она отжала тяжелые волосы, отбросила их назад и вытянула длинные ноги с маленькими безупречными ступнями.

Зак продолжал смотреть на нее, пожирая глазами, с трудом преодолевая искушение раздеться и окунуться в воду. Ее непринужденное поведение пробудило в нем мощнейшее желание, свойственное скорее юнцу, еще не знавшему женщин. Он ничего не мог поделать ни с бурлящим в венах вожделением, ни с пробудившимся в сердце чувством нежности к ней, и ощутил, как ему с силой сдавило грудь.

– А вы уверенно держитесь в воде, – отметил он. – Часто приходите сюда?

– Каждый день. Плаваю и выпускаю пар.

– И спасаетесь от невестки, полагаю.

Шона рассмеялась.

– Что-то вроде того. Этот ручей я считаю своим особенным местом. Он находится в частном владении и целиком принадлежит мне. Вот только сегодня вышло исключение.

– Вы что-то имеете против? Я вовсе не хотел нарушать вашего уединения. Когда я пришел в дом, ваша невестка сообщила, что ваш брат задерживается, и предложила прогуляться с вами. Я как раз заметил, как вы удалялись за деревья. Мне в любом случае нужно было увидеться с вами, чтобы извиниться.

Поднявшись, Шона наклонилась за платьем.

– В этом нет необходимости.

Зак тоже встал и шагнул к ней. Схватив ее за руку, он заставил посмотреть себе в лицо.

– Нет, есть. – Другой рукой он нежно взял ее за подбородок. Я не могу этого так оставить. – Убрав руку, он, как и прошлым вечером, якобы случайно дотронулся до груди Шоны. Это прикосновение поразило его. И ее тоже.

Для нее это был напряженный момент. Она резко вдохнула. Зак вдруг показался ей настоящим великаном, который к тому же стоит слишком близко. Его мощное тело излучало тепло, как и ее покрасневшие щеки. Она пыталась игнорировать собственную реакцию на его касание.

– Не могли бы вы не дотрагиваться до меня?

Именно такого отклика и следовало ожидать от невинной замкнутой девушки. Но ее сдержанность подействовала на Зака как красная тряпка на быка.

– Если бы я согласился жениться на вас, Шона, вам пришлось бы принимать мои ласки. – Видя, что она не отстраняется, он склонил к ней голову. – Показать, чего вам в таком случае следовало бы ожидать?

– Нет-нет, не нужно, – чуть слышно выдохнула она.

Соблазнительный тон его голоса напомнил ей о неукротимой чувственности, источаемой мускулистым телом, облаченным в плотно сидящие бриджи и белую рубашку, расстегнутую на груди. На его шее пульсировала жилка. Шона содрогнулась, заметив скользящий по ее лицу взгляд, на мгновение задержавшийся на полных губах, а потом спустившийся к холмикам груди, обрисованным мокрой тканью сорочки. Когда Зак протянул руку, чтобы смахнуть блестящие на ее щеке капельки влаги, Шона не сумела заставить себя отстраниться.

Мягко проводя руками по ее предплечьям, он произнес чуть слышно:

– Ну же, один поцелуй. Это все, чего я прошу. Я буду с вами нежен настолько, насколько пожелаете.

Шона почувствовала, что вот-вот растает. В его словах содержался скрытый подтекст.

– Я вас волную, Шона?

– Вам же отлично известно, что это так, – пробормотала она, не в силах сдержаться. Заслышав его довольный смех, поспешно отвернулась. – Вы намеренно заставляете меня нервничать.

– В таком случае попытайтесь расслабиться.

Подавляя протесты, Зак склонил голову и уверенно приник губами к ее губам. Шона почувствовала, что задыхается. Он подарил ей соблазнительный долгий поцелуй, разбудивший странное, не поддающееся объяснению ощущение в сердцевине ее женственности. Шона тут же позабыла о данной себе клятве ни за что не выходить замуж за капитана Фитцджеральда. Его поцелуй пьянил сильнее спиртного, лишая воли руки и ноги, заставляя бешено колотиться сердце. На секунду оторвавшись от губ, он обвил рукой ее талию и теснее прижал к себе. В следующее мгновение снова накрыл ее рот своим, и Шона целиком растворилась в объятиях, прильнув к нему, как плющ, обвившийся вокруг ствола дуба. Таящаяся в крепком стройном теле Зака сила манила обещанием наслаждений, о которых она не могла и мечтать.

Их поцелуй, казалось, длился целую вечность, становясь более страстным, воспламеняя кровь Шоны. Она больше не следила за его действиями. Лишь когда он оторвался от ее губ и зарылся лицом в ложбинку у нее между грудями, Шона вспомнила о том, что наполовину раздета. Однако вид собственной кожи, порозовевшей на солнце и резко контрастирующей с черными волосами Зака, ничуть ее не смутил. Будто она появилась из глубин вечности специально для того, чтобы подарить себя этому мужчине, созданная для него одного.

Он снова страстно приник к ее губам и, обняв за тонкую талию, привлек податливое тело к себе. Шона негромко призывно застонала. Положив ладонь на его крепкую грудь, она отдалась во власть восхитительных рук, ласкающих ее плечи и спину. Его ладони заскользили вниз по ее спине, заставляя ее интимно прижиматься к его твердым бедрам и ногам. Одну руку он положил ей сзади на шею и стал настойчиво поглаживать. Не знавшее прежде чувственного волнения сердечко Шоны встрепенулось, когда язык Зака ловко проник к ней в рот.

Хотя они и были знакомы всего двое суток, Шона хотела, чтобы мужчина, которого она совсем не знала, занялся с ней любовью. Сила собственного желания потрясла и удивила ее. На ощупь он оказался именно таким, как она ожидала: у него были крепкие, как железо, мускулы, скрытые под рубашкой. Шона представления не имела, что во время поцелуя может нахлынуть такое шокирующее желание, поэтому не знала, как реагировать. В одном она не сомневалась: не стоило ему поддаваться, ведь он отверг ее предложение.

Оторвавшись от его губ, она посмотрела на него, с трудом веря, что он осмелился совершить с ней подобное.

– Что вы делаете?

Зак осознал, что, смакуя ее нежные теплые губы, почти утратил контроль над ситуацией.

– Как я понимаю, мой поцелуй пришелся вам не по вкусу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dikson_helen/neschastlivyy-brak

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)